

Саша Чёрный

# Отборные дыни



*Часть сборника  
Избранная проза*



# Саша Чёрный

## Отборные дыни

*Текст предоставлен издательством*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=4986862](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4986862)*

*Избранная проза: Эксмо; Москва; 2005*

*ISBN 5-699-14284-3*

### **Аннотация**

«Кордебалетный подросток, русская коза-дереза Вава Журавлева, несмотря на свои пятнадцать лет, до того любила сладкое, что даже сахар из сахарницы, когда никого нет на веранде, выудит и сгрызет в натуральном виде...»

# Саша Чёрный

## Отборные дыни

Кордебалетный подросток, русская коза-дереза Вава Журавлева, несмотря на свои пятнадцать лет, до того любила сладкое, что даже сахар из сахарницы, когда никого нет на веранде, выудит и сгрызет в натуральном виде. У нее осенние каникулы, три летние свободные недели перед поездкой со всем балетным табором не то в Голландию, не то в Гренландию... А уж три свободные недели где и провести, как не в Провансе у дяди, на крошечной ферме... И ногам отдых, и рукам веселая работа: сбор винограда, щенка понянчить можно, шишки в бору собирать.

Но сладкого в Провансе не так уж много. Виноград надоел, даже волосы им пропахли, терпкий винный дух над всей долиной повис. Варенье из ежевики... Бррр! Бумагу для мух им смазывать. Фиги приторны, светлые, темные ли, объешься, и вспомнить противно: будто мармелад из слабительной каши с песком. Лучше уж чистый сахар. И поздние персики какие-то бездарные, щеки толстые, а укусишь – резиновый мячик. Ни соку, ни сладости.

Дыня, конечно, рабский фрукт. Фрукт ли? Ну как же сказать, – не овощ ведь? Хотя провансальские дыни, правда, больше на овощ похожи. По французскому положению едят их перед обедом с солью и перцем. Наружность изумитель-

ная, аромат – ваниль с сигарой. Взрежешь, тыква тыквой, прямо зло берет. Приготовишься к полному удовольствию, прикусишь мякоть... и осторожно, чтобы тетка не заметила, в бумажную салфетку сплунешь. Дыня!

На боярышнике краснели крепкие ягодки. Мимо Вавы проплыл на разбитом грузовике молодой краснощекий мясник... Берет вареником, глаза блестят, усы блестят, нос блестит. Подумаешь, тореадор какой... Нахал! Еще оборачивается. Но ведь и она тоже обернулась. Ерунда... С мясником она, слава богу, не флиртует. Обогнула свежий хоровод со сенок, поднялась на гору, – вот и гранаты. Какие тугие луковицы сидят в мелкой листве, за ними, словно крепость, старые провансальские службы и в глубине такой милуша-дом: фисташковые ставни, матово-розовые стены, веранда в тени темно-курчавых шелковиц... И на столе неизменная кошка.

Собаки? Но какая же провансальская собака укусит входящего в усадьбу человека... Не то что Ваву, почтальона и то не укусит. Полаяли для порядка и завиляли у маленьких незнакомых ног хвостом: «Нам скучно. Мы очень-очень вам рады...»

Навстречу Ваве поднялся дремавший у колодца в камышовом кресле грузный и крепкий старик и так хорошо улыбнулся, будто он четырнадцать лет назад Ваву на руках носил. Какой толстяк! Совсем как душа Хлеба в «Синей птице». Пожалуй, еще толще. Как только его камышовое кресло выдерживает.

Старик вежливо подтянул свои огромные светло-небесного цвета штаны и, лениво поглаживая толстые ватные усы, ждал. Вава быстро и толково объяснила. Она гостит у дяди, вон там. Тетя ей сказала, что на ферме, где гранатные деревья, можно достать настоящую дыню на десерт. Сладкую, потому что русские едят дыню на десерт. Так вот, пожалуйста, Вава просит выбрать самую-самую сладкую...

Толстяк, все добродушнее ухмыляясь, выслушал балерину, – с таким же видом выслушал бы он залетевшего в усадьбу болтливого попугая. Прикрикнул на пристающих к гостье с телячьими нежностями собак и повел ее в сарай.

В солнечной полумгле золотились груды желтого перца, отсвечивали слоновой костью гирлянды чеснока и вдоль стены, на широких лавках зеленели овальные дыни.

– Нет, нет, не эта. Эта для французов.

Он нагнулся к стоящей у ног корзине, поднял круглую янтарную дыню в продольных дольках с бородавками и сжал ее в мягких руках.

– Сладкая? – недоверчиво спросила Вава.

– Как мускат. А вы еще и эту возьмите. Дыня не утка, можно съесть и две.

Вава подумала, потрогала в бисерном кошельке свои монетки и выбрала сама третью дыню. Самую крупную.

– Сколько вам за все три?

– Ничего. Кланяйтесь, пожалуйста, вашей тетушке. Семена пусть сохранит – сорт первоклассный.

Бедная Вава чуть с дынями на землю не села.

– Как ничего?! Но ведь тетя говорила, что на ферме с гранатовыми деревьями...

– Совершенно верно. Но это мой сосед продает, по ту сторону дороги, чуть подальше. Так вы, барышня, не волнуйтесь. Неужели старый человек не может своей доброй соседке через ее милую племянницу послать несколько дынь. Надеюсь, что вы теперь убедитесь, что у нас в Провансе сладкие дыни растут...

Что ей было делать? Пробормотала что-то такое нелепое старику, даже собак не погладила, и – бегом домой. И глаза у нее были такие растерянные, будто у нее в сумке не дыни, а бомбы лежат.

Куриная слепота. Это она к здешнему богачу Дюбуа влетела, совершенно ясно... «Пожалуйста, самую сладкую, русские едят дыни на десерт...» И еще третью, самую крупную, величиной с арбуз, сама прихватила...

Что теперь тетя скажет? Вава свернула в лесок и, разогревшись от быстрой ходьбы и конфуза, присела на пенек, чтобы собраться с мыслями и перевести дух. Сердце стучало: «Ду-рын-да». Но Вавиным пальцам не до сердца, не до головы дело было. Пальцы торопливо достали из сумочки шпильку, вспороли в одной из дынь треугольник и поднесли ко рту ароматный, сочный ломтик.

Вава даже застонала от удовольствия. Да... Вот это так дыня... Если шербет положить на ананас, и то – никакого

сравнения.